

О.А. Сухорукова

Русское самодержавие или бюрократический абсолютизм

Главная проблема статьи — оценка русского самодержавия через противопоставление ему идеи парламентаризма в общественно-политическом дискурсе России в XIX в. На основании трудов Л.А. Тихомирова, Д.К. Кавелина, А.Ф. Смирнова, М.В. Шахматова, С.Г. Пушкарева рассматривается проблема трактовки принципа Верховной власти, ее источника.

Ключевые слова: Верховная власть; церковная идеология; самодержавие; абсолютизм; бюрократия.

История русского дореволюционного парламентаризма была недолгой. Начавшийся в ходе первой русской революции политический опыт ограничения российского абсолютизма закончился 1917 годом. Страна не смогла пережить революционный кризис, и историческая наука, исследуя эту проблему, указывает ряд причин, среди которых неудавшийся, запоздавший опыт государственного преобразования: реформы государственного управления начались только под воздействием первой русской революции, а Первая мировая война не дала времени и возможности завершить этот преобразовательный процесс в области государственного строительства. Но может быть стоит посмотреть на эту проблему с другой стороны? Насколько преобразования, происходившие в России, соответствовали отечественной традиции вообще и политико-правовой в частности. «Мы не доросли до умения думать по-русски... отсюда — политические и социальные иллюзии, — пишет русский «либеральный консерватор» К.Д. Кавелин в своей статье «Политические иллюзии» [1: с. 123].

И в самом деле, согласимся с утверждением о том, что незнание или отрицание отечественной политико-правовой традиции привело к неверному выбору в области преобразовательной политики страны. Оценивая свое прошлое, используя критерии, понятия, категории, ценностные ориентиры не отечественной, а европейской культуры, образованная часть русского общества выстраивала неверный алгоритм модернизации России, который привел к крушению русской государственности в 1917 г.

Что лежало в основе отечественной политико-правовой традиции и какие идеи ей противостояли? Анализируя передовую общественную мысль XIX – начала XX вв., можно сформулировать главный вопрос оппозиционного отечественного мейнстрима в области политической и правовой мысли: главным врагом объявляется самодержавие, с ним связаны все беды страны.

«Со времен Радищева и декабристов обозначилась односторонность, сложившаяся и окрепшая к началу XX в. и принявшая форму идеологического оппозиционного штампа, когда самодержавие полностью отождествлялось с царским самовластием, тиранией, деспотией» [5: с. 38], — отмечает современный исследователь исторического опыта российского парламентаризма А.Ф. Смирнов.

Этому штампу и этой однобокости не помешали важные, но в историческом либерально-революционном контексте не слишком значимые голоса отечественных историков и публицистов Н.М. Карамзина, К.Д. Кавелина, Л.А. Тихомирова, которые заявили о неверном понимании и, следовательно, неверной интерпретации понятия «русское самодержавие» в общественно-политической мысли России.

Непонимание сущности самодержавной власти не изжито и сегодня. А.Ф. Смирнов отмечает, что в научной и публицистической литературе «государственный строй императорской России определяется обычно как “царское самодержавие”, “абсолютная монархия”, разновидность восточной (азиатской) деспотии, как дикое самовластие, империя зла» [5: с. 37]. Подобная трактовка, отмечает он, некорректна, она не учитывает накопленный опыт отечественной историографии, в котором термин «самодержавие» определялся в зависимости от исторической эпохи по-разному. Вначале он означал «независимость» или «суверенность» государства. Со временем смысл этого термина будет меняться, к суверенности добавится идея о единстве и неделимости верховной власти — власти монарха.

Напомним, что три самых распространенных варианта единоличной неограниченной власти — абсолютизм, самодержавие и восточная деспотия — принципиально отличаются друг от друга по причине идейного расхождения. Восточная деспотия обожествляет саму верховную власть, а ее представитель является источником закона и власти — это цельный вариант сакрального типа правителя, в котором нет разделения на светское и религиозное начало. В идеологии самодержавия нет обожествления правителя. Принимая политическое наследие Византии — теорию о «симфонии властей», русское Средневековье усваивает идеи «священства власти» и «священного царства». Согласно им царская власть рассматривается как одна из важнейших форм воцарения общества. Здесь мы видим союз светской и церковной властей, а не их слияние, как было в восточной деспотии. То, что власть правителя освящается, а не обожествляется, пишет один из теоретиков царской власти Иосиф Волоцкий: «Царь есть Божий слуга, для милости и наказания людей. Если же царь царствует над людьми, а над ним самим царствуют скверные страсти и грехи: сребролюбие и гнев, лукавство и неправда, гордость и ярость, злее же всего неверие и хула, такой царь — не Божий слуга, но дьявол, и не царь, но мучитель» [3: с. 189]. Философ В.В. Зеньковский, ссылаясь на слова И. Волоцкого: «Царь, по своей природе, подобен всякому человеку... а по своей должности и власти подобен Богу Всевышнему», уточняет: «Царь... ответственен перед Богом не только за себя лично, но и за всякого

человека в его царстве. <...> Царская власть и есть та точка, в которой происходит встреча исторического бытия с волей Божией» [1: с. 48–49].

Став церковной идеологией, самодержавие не замыкается на политической самости. Власть царя рассматривается через союз с церковью в их общем деле по христианизации культуры и народа. С течением времени к этому союзу добавится третий — социальный элемент — земский собор, который станет главной опорой верховной власти и одним из механизмов по управлению страной.

Однако такая политико-правовая формула, состоящая из трех элементов, не будет реализована до конца. В конце XVI – начале XVII в. Смута на время приостановит воплощение ее идей в историческую реальность и, несмотря на ее частичное возрождение в годы правления Михаила Федоровича, уже во второй половине XVII в. она прекращает свое существование, и уже в годы правления Алексея Михайловича формируется доктрина абсолютизма. В политико-правовом учении Симеона Полоцкого мы видим первый шаг к началу европейского абсолютизма. В своих сочинениях он критикует трактовку царской персоны, характерную для отечественной мысли XVI в.: «природного» равенства царя и подданных. Вместо этого Царь и Бог у Полоцкого почти равные величины, а царь и государство отождествляются. *В XVIII в. в трудах Ф. Прокоповича теория «Русского Левиафана» окончательно заменяет идею «Священного царства».*

Смещение ценностей в области политико-правового пространства, при котором власть государства приоритетна — с одной стороны, и соединение церковного и светского начала в одном лице (монархе) — с другой, определяло главный вектор в формировании европейского абсолютизма. В отличие от русского самодержавия абсолютизм как европейская форма единовластия имел еще одну особенность: власть монарха опиралась на бюрократическую административную систему. И все же, несмотря на эти отличия, сравнение самодержавия и абсолютизма не будет полным, если мы не рассмотрим их сквозь призму понятия «Верховная власть».

Обратимся к пояснениям Л.А. Тихомирова о том, что такое Верховная власть, каковы ее особенности и главные принципы. Тихомиров справедливо считает, что в вопросе о Верховной власти возникло много путаницы. Возникновение государства сопряжено с возникновением Верховной власти, которая олицетворяет единство общества и дает возможность для сосуществования в нем разных социально-политических сил. «Смысл Верховной власти, — пишет Тихомиров, — состоит в общем обязательном примирении» [6: с. 55]. Но главное значение и понимание Верховной власти заключается в том, что она не может быть никем и ничем ограничена кроме собственного принципа, на основе которого создана. «По прекрасной формулировке Б.Н. Чичерина Верховная власть едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присутствующая и есть источник всякой государственной власти. <...> всякие ее ограничения могут быть только нравственные,

а не юридические...» [6: с. 52]. *Главный вывод о сущности Верховной власти, по Тихомирову, гласит: в ее основе лежит всегда один принцип — один источник власти. В зависимости от него субъектом власти может быть либо монарх, либо народ, либо аристократия.* Отсюда учение юристов о разделении верховной власти ошибочно, а все, что относится к специализации, разграничению или какой-либо функциональной деятельности власти — все это уже не Верховная, а управленческая система (суд, правительство и другие политические институты). Поэтому говорить об ограничении Верховной власти нет никакой возможности, а формула конституционной монархии или ограниченной монархии есть фикция, за которой стоит либо власть монарха, либо власть аристократии, либо власть народа. Впрочем, об этом задолго до Тихомирова пишет в своей статье «Политические призраки» К.Д. Кавелин: «Везде и всегда Верховная власть остается единой и нераздельной. То же самое видим мы и у нас. Но в Европе существовали сильные аристократические элементы, присвоившие эту власть себе...» [2: с. 15]. Другими словами говоря, в Европе по названию может быть конституционная монархия, а по существу — власть аристократии.

Принцип Верховной власти дает нам возможность сравнить два идеала государственного устройства, лежащих в основе политико-правовой традиции России и Европы. Как уже говорилось, главным источником Верховной власти Российского государства в период Средневековья являлась воля Бога, которую должна была осуществлять власть царя при поддержке народа. Исходя из этого принципа, в идеологии Древней Руси отсутствует противоборство между властью (вначале княжеской, затем царской) и народом. Здесь у народа нет борьбы за свои права или за осуществление своей воли. В европейской политико-правовой мысли проблема усовершенствования государственного устройства выводится из природных прав человека, иначе говоря, главным источником Верховной власти выступает воля народа.

Интересное сравнение политико-правовых традиций России и Европы сделали «ранние» представители евразийского движения — М.В. Шахматов и С.Г. Пушкарев, обратив внимание на ключевые моменты, разделяющие эти традиции.

М. Шахматов идет по стопам Л. Тихомирова, уделяя внимание принципу Верховной власти. В работе «Государство Правды» он пишет, что своеобразие европейской правовой мысли заключается в том, что главный принцип Верховной власти — это воля народа, и совсем неважно, как эта воля может быть оформлена юридически. Это может быть и монархия, и республика. Но, как ни называй, по существу Верховная власть определяется одной идеей. Сравнивая два государственных идеала — западноевропейский и древнерусский — Шахматов пишет: «“Правда”, как своеобразная система русского идеального права, развивавшаяся отдельными путями, отчасти сходными с западными средневековыми, стремится достичь усовершенствования государственного строя совершенно иными средствами, нежели западноевропейское естественное право

XVII–XVIII столетий. Последнее выводит из прирожденных прав человека и гражданина целый список гражданских свобод и требует в их пользу ограничений прав монарха ... старые права ранее абсолютного монарха и выведенные из естественного права гражданские свободы права народа становятся друг против друга как два враждебных начала...» [7: с. 16].

Проблему сопоставления развития России и Европы продолжает С. Пушкирев в статье «Россия и Европа в историческом прошлом». Рассматривая происхождение и идеологическое обоснование Верховной власти в Европе, Пушкирев пишет: «...через всю теорию и практику европейской политической жизни проходит принцип избирательного договорного происхождения высшей светской власти, и католическая церковь, со своей стороны, подчеркивает ее зависимый и условный характер» [4: с. 141]. На Западе, резюмирует Пушкирев, власть короля, императора выглядит как власть чиновника высшего ранга, который получил свои полномочия по воле народа и согласно заключенному с обществом договору. Католическая церковь в борьбе со светской властью, в своем стремлении принизить институт государства считает его «делом рук человеческих», а в целом в Европейской цивилизации «существует единая линия развития... — от средневековых католических писателей до Жан-Жака Руссо и «Декларации прав» 1789 г. Монарх, вообще носитель Верховной власти, является здесь уполномоченным и приказчиком народа [4: с. 142].

Как уже говорилось, русское самодержавие до XVIII в. как отечественный вариант монархии, сформировавшийся в российской политико-правовой традиции, характеризовался двумя важными социально-политическими институтами: земским собором и церковью. Каждый из них имел определенную независимость от Верховной власти, и в отдельных случаях они могли оказать значительное влияние на принятие того или иного решения. Оформление абсолютизма при Петре I лишило церковь самостоятельности и независимости, а земский собор де-юре был ликвидирован указом Петра I. Образовавшийся политический и социальный вакуум был заполнен бюрократической системой. Таким образом, Верховная власть — власть монарха — оказалась автономной, никем и ничем не ограниченной, а вместо независимых социально-политических институтов сложилась мощная административная система.

Интересно, что именно с этого времени мы видим формирование интеллектуальной оппозиции власти, которая достигнет своей кульминации в XIX в. Такое отрицание монархии стало следствием распространения идей Просвещения, поспособствовавших обмирщению культуры правящей элиты.

Начиная с XVIII в. восприятие идеи самодержавия происходило уже секулярным сознанием, в котором нельзя не заметить следующего парадокса: западники критикуют самодержавие, называя его тиранией и деспотизмом, болезнью российской государственности, которая стала проклятием России, ее тяжелым историческим прошлым. При этом они не замечают, что все их стрелы направлены в одну цель — европейский абсолютизм, политико-правовая формула которого, начиная с XVII века, утверждается в России,

а ее бюрократическая опора становится главной доминантой в политическом развитии Российского государства. В такой ситуации логичней было бы требовать ограничения бюрократии, выступать против ее всевластия, а не уповать на ограничение Верховной власти.

Реформы 1860-х гг. должны были модернизировать систему государственного управления, во всяком случае, это была одна из целей преобразований Александра II. Однако создавшиеся новые политические институты власти — земства — не привели к созданию подлинных органов самоуправления, в России по-прежнему большую роль играет бюрократическая система. Не случайно именно в 1878 г. выходит работа К. Кавелина о кризисе политического преобразования. Интересно, что критикует реформы человек, с «исторической записки» которого они начались. Голос публициста диссонирует с общественным мнением: «Русский Бог избавил нас от конституционной лжи ограничения царской власти народным представительством» [2: с. 32]. Кавелин пишет не об ограничении самодержавия, а о том, что в России в результате деформации исторической формы власти оформился абсолютизм, который способствовал становлению тотальной власти бюрократии. «Вся администрация, на всех ее ступенях, представляет собою верховную власть, проведена у нас с железной последовательностью. Административная власть в России громадна» [2: с. 23]. Исторически так сложилось, замечает ученый, что в такой огромной стране, как Россия, не оформились социальные группы, в том числе аристократические, способные помочь в управлении страной. Поэтому в связи с невозможностью решить все вопросы Верховной властью произошло перераспределение ее полномочий в пользу администрации и даже «освящение» ее функций именем царя. «Администрация, во имя царской власти, заслонила и оттеснила эту самую власть на второй план и взяла самодержавие в свои руки» [2: с. 32]. Следовательно, делает вывод мыслитель, ограничивать нужно не Верховную власть — власть царя — путем введения конституционных норм и изменения формы власти на европейский лад. Реформировать необходимо систему управления, создать правильный механизм подотчетности и работы чиновников, в рамках закона дать свободу слова, ввести принципы выборного земского начала сверху донизу, дать большую самостоятельность местным органам власти, опираться на коллегиальность управленческих структур и ротацию кадров при участии образованных людей и специалистов.

На проблему российского абсолютизма, при котором существует иго администрации над всем обществом, указывают отечественные мыслители, имена которых трудно соотнести с каким-либо одним общественно-политическим течением. Их объединяет одно мнение, одна мысль о том, что *в России существует неверное, искаженное представление о монархии. Всесилие бюрократии, а не всесилие монархии — главная болезнь политической системы страны.* Усиление бюрократии и снижение, уменьшение, а затем и вовсе отсутствие органов местного самоуправления, выборных начал — эти процессы

взаимосвязаны, приводят к правовому бесправию населения и социальным проблемам общества. Механизм верховной власти работает плохо или вообще не работает.

Л. Тихомиров, поддерживая идею ограничения бюрократии, писал о необходимости вернуть «русские начала» общественного самоуправления, которые должны, во-первых, отражать интересы общества, его большей части и, во-вторых, решать проблемы, связанные с этими интересами. «Если России суждено создать истинное народное представительство, то это возможно исключительно путем организации социальных слоев и выборами лиц от них» [6: с. 393].

Принципы самоуправления отстаивал и юрист Б.Н. Чичерин, который считал, что только так можно ограничить произвол бюрократии, «которая сеет рознь между обществом и царем, что только врагам России на руку, отечеству же против земства грозит смутой и раздором» [6: с. 14].

Однако эти мнения стали «гласом вопиющего в пустыне». Наша интеллигенция, оторванная от русской традиции, воспитанная на либерально-революционных идеях европейской культуры, была воодушевлена борьбой за Конституцию, за ликвидацию самодержавия. Секулярное сознание не принимало идею монархии — идею консервативную, которая может быть понята религиозным сознанием, через религиозные ценности. Человек, воспитанный в лоне светской культуры, воспринимает идеи консерватизма, в частности идеи монархии, формально, упрощенно. Вследствие этого кризис общественного сознания в конце XIX – начале XX в. был кризисом отрицания того, что составляло главные основы политико-правовой традиции России. «Духовная диктатура западников» [5: с. 46] не способствовала пониманию и правильной оценке отечественной политико-правовой традиции, а слова К.Д. Кавелина: «Когда мы, наконец, поймем, что в России власть и народ, аристократия и демократия, консерватизм и прогресс совсем не то значат, что они выражают в устах наших западных соседей» [2: с. 176] не были приняты во внимание.

Литература

1. *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 1 Ленинград: ЭГО, 1991. 222 с.
2. *Кавелин К.Д.* Политические призраки. Верховная власть и административный произвол. Берлин: В. ВЕНRS BUCHHNDLUNG (Е. БОСК), 1878. 126 с.
3. *Преподобный Иосиф Волоцкий.* Просветитель. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1993. 382 с.
4. *Пушкарев С.Г.* Россия и Европа в их историческом прошлом // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. 5. С. 121–152.
5. *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. 624 с.
6. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М.: ТОО «Алир», 1998. 672 с.
7. *Шахматов М.В.* Государство правды. М.: Издательство «ФондИВ». 2008. 312 с.

Literatura

1. *Zen'kovskij V.V.* Istoriya russoj filosofii. T. 1. Ch. 1 Leningrad: E'GO, 1991. 222 s.
2. *Kavelin K.D.* Politicheskie prizraki. Verhovnaya vlast' i administrativny'j proizvol. Berlin: B. BEHRS BUCHHANDLUNG (E. BOCK), 1878. 126 s.
3. *Prepodobny'j Iosif Voloczkiy.* Prosvetitel'. M.: Spaso-Preobrazhenskij Valaamskij monasty'r', 1993. 382 s.
4. *Pushkarev S.G.* Rossiya i Evropa v ix istoricheskom proshlom // Evrazijskij vremennik. Parizh, 1927. Kn. 5. S. 121–152.
5. *Smirnov A.F.* Gosudarstvennaya Duma Rossijskoj imperii 1906–1917 gg.: Istoriko-pravovoj ocherk. M.: Kniga i biznes, 1998. 624 s.
6. *Tixomirov L.A.* Monarxicheskaya gosudarstvennost'. M.: TOO «Alir», 1998. 672 s.
7. *Shaxmatov M.V.* Gosudarstvo pravdy'. M.: Izdatel'stvo «FondIV». 2008. 312 s.

O.A. Sukhorukova

Russian Autocracy or Bureaucratic Absolutism

The main problem of the article is the evaluation of the Russian autocracy through opposing it to the ideas of parliamentarism in the social and political discourse of Russia in the XIX century. Based on the works of L.A. Tikhomirov, D.K. Kavelin, A.F. Smirnov, M.V. Shakhmatov, S.G. Pushkarev the problem of interpretation of the principle of the supreme authority and its source is considered.

Keywords: supreme power; church ideology; autocracy; absolutism; bureaucracy.